

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

Цикл
Рафаэля Дамирова

КУРСАНТ

Курсант: Назад в СССР

Курсант: Путь мента

Курсант: Дело душителя

Курсант: Спецотдел МВД СССР

Курсант: Призвание опер

Курсант: Прокурорские войны

Курсант: Дело потрошителя

РАФАЭЛЬ ДАМИРОВ

**КУРСАНТ:
ДЕЛО
ПОТРОШИТЕЛЯ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д16

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Выпуск 70

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Дамиров, Рафаэль

Д16 Курсант: Дело потрошителя: роман / Рафаэль Да-
миров. — Москва: Издательство АСТ; Издательский
дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Фантастический
боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-163348-6

Андрей Петров после вручения ордена Красной Звезды из рук самого Щёлокова продвинулся по карьерной лестнице. На дворе переломный 1982 год. Спецгруппе Горохова поручено новое задание. Никто не знал, что банальное убийство актера Большого театра в Москве повлечёт череду загадочных преступлений и интриг. На кону не только репутация группы, но и судьба страны...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-163348-6

© Рафаэль Дамиров, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

*Москва. Июнь 1982 года. Петровка, 38.
Кабинет руководителя межведомственной
спецгруппы по раскрытию особо тяжких
преступлений*

Утренняя планёрка начиналась рутинно. Горохов зачитывал городскую сводку. Погодин зевал. Катков внимательно что-то записывал, я сидел и считал воробьев за окном, и только Света, казалось, слушала Никиту Егоровича.

Я заглянул в блокнот Каткова, который старательно что-то конспектировал с чрезвычайно умным видом. Но оказалось, что тот просто рисует замысловатые узоры, обводя разлиновку клеточек.

Задребезжал телефон. Аппарат звонил редко. Обычно это предвещало очередную командировку. Я с надеждой перевел взгляд с птиц на шефа. Уже две недели торчим в Москве и ничего не делаем. Так только... Местным помогаем по мелочи.

— Слушаю, Горохов, — следователь нахмурился.

За эти почти два года, что прошли с событий в Новоульяновске, Никита Егорович ничуть не

изменился. Лишь седины на висках прибавилось да морщины на лбу стали поглубже.

Он озадаченно поговорил с трубкой, почесал намечающуюся лысинку и недовольно пробурчал абоненту:

— А мы тут при чем, товарищ генерал?

Трубка что-то возбужденно вещала. Слов не разобрать, но, судя по всему — дело серьезное.

— Ясно, — закивал Горохов, будто собеседник мог его видеть.

Дзинь. Телефон звякнул, разъединив линию.

— Собирайтесь, товарищи. У нас убийство в гостинице «Россия».

— Шишку какую-то пришили? — поинтересовался я (на простых смертных нашу группу не отправляли, разве что если трупов было больше, чем три, или прослеживалась серия).

— Да в том-то и дело, что убитый — птица обычного полета, — шеф задумчиво стал складывать бланки в портфель. — Не пойму, почему меня отправили делать осмотр. Есть же районная прокуратура. И городская, в конце концов... Но сверху указание поступило, чтобы задействовать наши ресурсы по полной.

— Чье указание? Щёлокова?

— Бери выше, из Политбюро кто-то в министерство внутренних дел позвонил и задач нарезал.

— Ого... И кого же убили?

— Некий Артур Дицони, солист Большого театра.

— Странная фамилия, — проснулся Погодин.

— Сын цыганского барона, личность наверняка интересная, но при чем тут мы? — продолжал недоумевать следователь.

— Хм-м... Не слышала о таком, — Света задумчиво перебирала в памяти артистов Большого, любила она к искусству приобщаться и частенько посещала спектакли, оперы и прочие балеты.

— Ладно... На месте разберемся, — Горохов встал из-за стола. — По коням. Кабинет свой замкните.

После громкого дела с убийством заместителя прокурора Дубова наша команда приросла еще одним сотрудником — старшим лейтенантом Погодиным, и с барского плеча МВД нам отрядили второй кабинет на Петровке. Горохов теперь, как начальник, заседал отдельно, а мы вчетвером размещались за стенкой.

Быстро собравшись, вышли на улицу. Июньское солнышко с любопытством на нас уставилось. Давненько мы не выходили из кабинетов все разом.

Наша служебная черная «Волга» еле вместила пятерых. Никита Егорович и Катков габариты отъели солидные. Да и Погодин уже начинал матереть. Я уселся за руль. Горохов рядом, остальные сзади. От управления до гостиницы добрались минут за десять.

Гигантское здание из бетона и стекла раскинулось на берегу Москвы-реки, затмив собой Кремль и храм Василия Блаженного. Смотрелось чуждо и инородно на фоне старой Москвы, но гостиница блистала пафосом новой эпохи и долгое время была символом СССР, пока ее бесславно не снесли в двухтысячных.

Мы остановились у главного входа. Парковка заставлена экскурсионными красными «Икару-

сами» с надписью: «Intourist». Возле некоторых снуют восторженные иностранцы. Финны, немцы и прочие китайцы под бдительным оком гида пытались в очередной раз разбежаться по окрестностям, щелкая окружающую обстановку на висевшие на груди фотокамеры. Но гиды бдили достойно. Подготовка их была сродни разведшколе. Собирали подопечных под крыло, как наседка цыплят, не давая лишней раз контактировать с «аборигенами», пресекали неудобные вопросы и всячески опекали иностранцев, чтобы те и чихнуть без их ведома не могли. Даже если в туристической группе затесался шпион, ничего дельного он раздобыть не мог бы, разве что поснимать издали незаметно стратегические объекты типа заводов.

Паранойя Сталина насчет шпионов уже не довлекла над железным занавесом, и иностранцев охотно пускали в СССР, хотя большинство туристов всё равно приезжало только из дружественного соцлагеря. Но и истинным буржуям было интересно воочию повидать страну развитого социализма. А руководство СССР желало продемонстрировать мощь молодого государства, где навсегда победил марксизм-ленинизм.

Просторный холл гостиницы с множественными стойками администраторов, стеклянными витринами с командирскими часами, матрешками и прочими балалайками кишел людьми.

На входе нас сразу взял в кольцо заслон из гостиничных коридорных, сержанта милиции и стоящего чуть поодаль смотрящего в неброском костюме с каменной мордой. Он явно не сотрудник гостиницы. Сто пудов, конторский, эти ребя-

та тоже несли вахту в рассаднике капиталистов и потенциальных шпионов.

— Следователь Горохов, — Никита Егорович безошибочно вычленил из «стражников» старшего (того в сером костюме) и ткнул в него раскрытым удостоверением. — Это со мной, — кивнул он назад, избавив нас от предъявления собственных документов.

Но я все равно светанул новенькими лейтенантскими корочками. Ведь психологический комплекс от курсантской ксивы с фотографией рядового на развороте у меня прошел. Сейчас я там целый летёха.

После высокой награды от Щёлокова карьера поперла в гору. В тот же год меня перевели из нашей средки курсантом в Волгоградскую высшую следственную школу милиции, сразу на предпоследний третий курс. Оперской специальности в Волгограде не оказалось, ну и ладно. С образованием следователя можно в любой службе работать, и не только в органах. В Москве и в Саратове на тот момент были только средки, а в Омск — далековато мотаться. Вот и пошел следаком. Все равно учился по старой схеме, под кодовым названием «Фигаро тут, Фигаро там». Большую-то часть времени проводил на работе в группе Горохова.

Через год получил летёху по сроку выслуги (на зависть своим сокурсникам, которым лейтенантские погоны упали на плечи только при выпуске), а летом 1981-го выпустился с дипломом юриста. Корочки умудрился получить с отличием, хотя знаниями на сессии блистал только по профильным предметам, однако, учитывая сверх-

лохматость могучей лапы, что меня закинула в учебное заведение, преподаватели, будто сговорившись, ставили мне на экзаменах высший балл, хотя я на этом совсем не настаивал. Как, впрочем, и не возражал.

Нужный номер оказался в другом корпусе. Всего их было четыре, не считая центральной башни во внутреннем дворе. Гостиницу отгрохали аж на пять тысяч рыл. Задумывали ее специально для депутатов Верховного Совета, что до этого периодически оккупировали гостиницу «Москва», вытесняя артистов, туристов и прочих гастролеров.

— Прошу за мной, товарищи, — улыбочивый коридорный возраста позднего Тургенева (и даже борода сверкает роскошной белизной) в пафосном мундире, отделанном золотистыми листочками (издалека напоминал форму генерала банановой республики), повел нас длинными коридорами к нужному лифту.

По профессиональной привычке «генерал» вещал отточенными фразами, рассказывая о заведении, будто мы были обычные туристы.

— Это самая большая гостиница в мире, товарищи, — гордо заявил он. — Комплекс включает в себя магазины, концертный зал, кинотеатр и внесен в Книгу рекордов Гиннеса как самый крупный. Говорят, что артист не может считаться заслуженным и знаменитым, если не выступил в концертном зале «Россия».

— А почему название такое? — подковырнул я.

— А чем вам название не угодило, молодой человек? — прищурился провожатый.

— Как известно, у нас избегают таких названий. В обиходе Союз или РСФСР, а тут — Россия.

— Россия-матушка — наши истоки, — заявил «Тургенев». — Почитай, все оттуда вышли.

Коридорный вдруг остановился:

— Здравствуйте, Муслим Магометович, — провожатый вдруг расплылся в улыбке с полупоклоном перед джентльменского вида чернявым мужчиной средних лет.

Его лицо мне показалось до боли знакомым. Тот в ответ мельком кивнул, будто старался проскочить мимо побыстрее.

— Это же ведущий «Песни года», — восхищенно проговорил Погодин.

— Эх, молодежь, — покачал головой коридорный. — Великих певцов надо знать в лицо.

Бородач, убедившись, что постоялец уже достаточно удалился, тут же напел хриплым голосом пару строчек:

Ты — моя мелодия,
Я — твой преданный Орфей...

— Так это Магомаев? — восхищенно пробормотал Погодин. — Не узнал его. В жизни он по-другому выглядит.

— Он самый, — гордо возвестил провожатый. — У него тут как квартира уже. Месяцами может в номере жить.

Лифт доставил нас на четвертый этаж. В коридоре, возле нужного нам номера 413, толпился народ. Мелькали серые мундиры милиционеров (да не простых, а целых генералов), синие — про-

курорских работников (в звании ниже «полковника», в пересчете на наши, не увидел), люди в штатском, которые вовсе были не гражданами.

— Ого, — тихо присвистнул я. — Сколько правоохранителей сбежалось, будто члена Политбюро убили.

— Тс-с, Андрей Григорьевич, — шикнул на меня Горохов. — Не в том месте и не в том смысле упоминаешь этих, — Горохов ткнул пальцем в потолок. — Вмиг к политическим террористам припишут. Хотя ты прав. Солист Большого театра, причем новенький и никому не известный, а столько шуму.

— А вы что, — коридорный собирался уже нас оставить, но остановился и развернулся, — не знаете, кто такой Артур Дицони?

Катков и Погодин одновременно развели руками.

— Вся Москва знает, а вы — нет... — усмехнулся бородач.

— И кто же он? — нахмурился Горохов.

— Простите, товарищи дорогие, но об этом не принято говорить вслух — органы соответствующие бдят. — Коридорный кивнул на людей в штатском. — А мне еще внуков растить, на родителей надежды нет, ведь трудятся они не в гостинице, а на заводе. Ладно, прощайтесь, пойду я. И так уже лишнего наговорил.

Нам навстречу шагнул пузатый прокурор, на черных петлицах по две огромные звезды — по нашему аж целый генерал-лейтенант получается.

Судя по вальяжности и некоторой надменности, навсегда застывшей на пухлом лице, чувство-

вал он себя среди высоких чинов как рыба в воде. А то и как щука среди окуней. Явно был из генеральной прокуратуры. Черт... Кем же на самом деле был этот покойный цыган?

— Никита, — генерал позволил Горохову пожать себе руку, на остальных только бросил мимолетный взгляд, задержав его чуть подольше лишь на Свете, что смотрелась среди мужиков жемчужинкой. — Дело решили поручить твоей группе.

Горохов, явно недовольный, что его так по-панибратски назвали в присутствии подчиненных, коллег и прочих горничных, с язвинкой в голосе спросил:

— К чему нам такая честь, Павел Алексеевич? Я так понимаю, потерпевший был артистом местного пошиба? Есть районная прокуратура. Городская, в конце концов.

— Не ерепенься, Егорыч, — понизив голос, проговорил генерал. — Сам знаешь, кем был убитый... Сверху результатов ждут уже сегодня.

— Черт побери! — всплеснул руками Горохов. — Вы меня, конечно, извините, Павел Алексеевич, но о потерпевшем мне лишь известно, что он был солистом Большого театра. Скажите, наконец, что он за птица такая важная...

— Об этом вслух не говорят, — назидательно улыбнулся «генерал». — Но сам понимаешь, все, что касается ЦК — по раскрытию на первом месте. Подключайся оперативно. В номере сотрудники из МУРа, введут тебя в курс дела.

Мы вошли внутрь просторного двухкомнатного номера, потеснив высокие чины. На кровати лежал абсолютно голый молодой мужчина. Рас-

пластался, неуклюже раскинув руки. Из раны на груди в районе сердца застывший красный ручеек вёл к целой луже, что пропитала постель. На животе под пупком поперечный разрез, тоже залитый кровью.

Света поморщилась и отвернулась. Погодин тоже скривился, но взгляда не отвел. И лишь криминалист Катков, словно легавая на охоте, сделал стойку. С интересом оглядывая обстановку и труп хоть и мёртвого, но довольно симпатичного и запоминающегося цыгана, возле которого копошились сразу два судмедэксперта в перчатках и какой-то сторонний криминалист с «Зенитом».

— Товарищи! — громко произнес Горохов. — Разрешите представиться. Горохов Никита Егорович, руководитель специальной межведомственной следственно-оперативной группы. Осуществление первичных следственных мероприятий поручено мне и моему личному составу. Я попрошу посторонних покинуть место происшествия. Остаются только эксперты и работники уголовного розыска. Спасибо за понимание.

Генералитет (что прокурорский, что эмвэдэшный) с удивлением уставился на наглеца. Какой-то следователь смеет им указывать?

— Товарищи, я прошу побыстрее, пожалуйста. Вы мешаете осмотру и поиску возможных следов, — настаивал мой начальник.

Мы молчали, но согласны были с каждым словом.

Высокие чины загудели и потянулись к выходу. Не решились осадить Горохова. Понимали,

что если дело поручено ему, то на месте происшествия он и есть главный.

Никита Егорович подозвал двух оперативников и стал их расспрашивать. Меня кто-то тронул сзади за плечо:

— Здравствуйте, Андрей Григорьевич.

Я обернулся и не поверил своим глазам. Передо мной стоял гэбэшник Черненко. Несмотря на жаркую погоду, мой старый знакомый по Новоульяновску был в плотном костюме и шляпе.

— Товарищ майор, — я пожал протянутую мне твёрдую, как доска, сухую ладонь. — И вы здесь...

— Подполковник, — улыбнулся Черненко.

— Поздравляю, растете. Слышал, вы теперь здесь в столице насовсем обосновались?

— Мы там, куда Родина пошлет, — двусмысленно проговорил подполковник. — Давайте отойдем в сторонку. Переговорим.

Раньше от таких предложений я бы напрягся, размышляя о том, как бы не сболтнуть чего лишнего. Я давно знал, что контора бдила за мной, и иногда казалось, что они уже раскусили во мне попаданца. За те четыре года, что я здесь, уже привык к их вниманию и теперь особо не тревожился. Однако если они меня и раскусили, то дали зеленый свет. Не трогали, ведь своими поступками Петров, а в прошлом майор Нагорный, доказал, что цели преследует исключительно благие и службу тянет, укрепляя ту самую безопасность Родины, о которой они так пекутся.

Мы вышли из номера.

— Слышал про ваши подвиги, Андрей Григорьевич, — Черненко вытащил сигарету и предложил мне, я отказался.